

Г. Паркс

История Мексики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Паркс**
История Мексики / Г. Паркс – М.: Книга по Требованию, 2013. – 370 с.

ISBN 978-5-458-44376-0

ISBN 978-5-458-44376-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вскрыть империалистическую сущность американской политики в Мексике в конце XIX и в начале XX в. Но и то, что дает автор в своей книге по этим вопросам, начиная с испанского нашествия и кончая борьбой между английскими и американскими империалистами за нефть и другие богатства Мексики, показывает, в каких исключительно тяжелых условиях протекала не закончившаяся и поныне борьба мексиканского народа за свою свободу и независимость.

Правдиво описывая тяжелое положение индейского крестьянства и появившегося в конце XIX в. мексиканского рабочего класса, выражая сочувствие вековой борьбе крестьянства за землю и борьбе пролетариата за улучшение своего экономического положения, Паркс как буржуазный историк не идет дальше либеральных пожеланий. Он отрицательно относится к решительным методам борьбы угнетенных классов за осуществление своих прав и сужает рамки этой борьбы, не допуская и мысли о возможности победоносной народной революции, которая выдвинула бы Мексику в ряды свободных народов, идущих по пути прогресса и демократии.

* * *

Паркс довольно подробно излагает историю индейских племен, населявших Мексику до прихода испанцев. Однако характеризуя отдельные племенные образования, в частности, ацтекское государство, господствовавшее до прихода испанцев над значительной частью территории нынешней Мексики, автор уделяет мало внимания кастовому устройству этого общества, не подчеркивая в достаточной мере, что касты жрецов и военной аристократии, составлявшие по сути дела рабовладельческий класс, выступали в роли эксплоататоров низших каст — ремесленников, мелких землевладельцев и огромной массы рабов.

Описывая испанское завоевание, Паркс приводит многочисленные примеры безграничной жестокости завоевателей по отношению к индейцам, борющимся за свою свободу и независимость. В книге Паркса показана коварная политика завоевателей, сеявших раздоры между племенами и нередко использовавших для своих захватнических целей верхушку

ацтекского общества. Вместе с тем, подразделяя завоевателей на «плохих» и «хороших», автор крайне преувеличивает историческую роль Кортеса, сравнивая его с Цезарем и Александром Македонским, и изображает в сочувственных тонах этого беззастенчивого конкистадора, прославившегося массовым истреблением мирного безоружного населения, разрушением мексиканских городов и уничтожением ценнейших памятников индейской культуры.

Еще более серьезные ошибки допускает автор в оценке политики испанских королей в Мексике на первых этапах ее завоевания. Говоря о проводившейся испанской короной политике защиты мексиканских индейцев от закрепощения их конкистадорами, автор пишет: «Испанские короли понимали, что со свободных индейцев корона сможет получать дань, а индейцы поработанные приносят пользу, главным образом, своим владельцам. Однако... они верили также, что завоевание Америки будет законным лишь в том случае, если окажется благотворным для покоренных народов» (стр. 94).

Паркс лишь частично раскрывает действительную причину «забот» испанской короны о мексиканских индейцах. Конечно, ограничивая произвол испанцев-завоевателей и их потомков в Мексике, испанские короли меньше всего заботились о «законности» и «благотворности» своих действий в Америке. Захват лучших плодородных земель испанскими дворянами-завоевателями и следовавшим за ними по пятам католическим духовенством приводил не только к закрепощению индейцев. Под натиском захватчиков индейцы целыми племенами уходили в наиболее глухие горные и лесные районы страны. Это привело к катастрофическому снижению численности населения Мексики. Уже вскоре после завоевания Мексики испанцами ее туземное население сократилось на 80%.

Угроза прямого физического истребления индейского населения, поставлявшего рабочую силу на рудники, где добывалось золото, медь и серебро, и в поместья (энкомьенды), пугала не только наиболее дальновидных представителей испанской администрации в Мексике, но и, главным образом, испанскую корону. Сокращение численности новых подданных испанского короля прямо затрагивало интересы мадридской казны. Доход короля от одной только

Новой Испании¹ в течение колониального периода в среднем достигал 14 млн. песо в год и в 1804 г., например, составил около $\frac{2}{3}$ всего дохода Испании. Основными статьями этого дохода были подушная подать, которую казна взимала с каждого взрослого мексиканца, сборы с различных монополий и выручка с рудников. Боязнь сокращения доходов казны заставила Карла V издать так называемые «новые законы» (1542 г.) о возвращении индейцам земли и восстановлении индейских поселков. Однако эта политика испанских королей не имела успеха, ибо основная масса государственных чиновников, чувствовавших себя в Мексике временщиками, заинтересованных в эксплуатации и ограблении индейского крестьянства не менее, чем помещики-энкомендерос, действовала в тесном союзе с последними и находила средства, чтобы уклониться от выполнения предписаний короны, ограничивающих эксплуатацию и закрепощение индейцев. Фактически испанские короли, несмотря на предпринятые ими попытки предохранить индейцев от истребления, сами проводили ту же политику закрепощения. Ими был издан ряд законов, закреплявших индейцев за определенными селениями и запрещавших их переход из одного селения в другое. Один из законов Филиппа III, изданный в 1618 г., гласил: «Повелеваем, чтобы ни в одном индейском поселке не было ни одного человека, принадлежащего к другому поселку». Закрепленные за поселками индейцы должны были работать на испанских дворян-помещиков, которые считались их «опекунами». Таким образом, в Мексике насаждалось крепостное право. В конечном итоге огромное количество обрабатываемых земель сосредоточивалось в руках креолов² — помещиков и духовенства, а индейское крестьянство в значительной своей массе было закрепощено.

Автор идеализирует роль католического духовенства в Мексике в период, непосредственно следующий за завоеванием. Пользуясь слабостью испанской монархии и опираясь на поддержку папы, духовенство приобрело в стране

¹ Мексика была ядром этой богатейшей испанской колонии. (Прим. ред.)

² Креолы — южноамериканские испанцы, потомки первых партий завоевателей. (Прим. ред.)

огромное влияние. Стремясь заманить в лоно церкви как можно больше паствы, католические монахи нередко выступали в качестве защитников индейцев от чрезмерной эксплуатации со стороны энкомендерос. Эта сторона деятельности духовенства в Мексике была, конечно, второстепенной. Основное же в деятельности католической церкви в период колонизации сводится к тому, что духовенство выступало в роли одного из главных эксплуататоров и поработителей мексиканского народа. Замена старых языческих верований новой католической религией очень дорого обошлась мексиканскому народу. Крестьян-индейцев толпами сгоняли на постройку церквей и монастырей. За время колониального господства испанцев в Мексике было построено свыше 12 тыс. церквей. Кроме подати, которую крестьянин платил казне, он должен был платить также и десятину в пользу католической церкви. Чтобы представить себе, во что обходилась церковная десятина мексиканскому народу, нужно сказать, что к концу XVIII в. она давала церкви свыше двух миллионов песо годового дохода, что по тому времени составляло огромную сумму. А ведь десятина являлась лишь частью доходов церкви! В результате этой деятельности церковные корпорации к началу XIX в. скопили в своих руках огромные богатства. Церкви принадлежало больше половины обрабатываемых земель в стране и большая часть недвижимого городского имущества. В это время церковь была единственным и притом весьма могущественным банкиром в стране, дававшим ссуды, главным образом, под землю и недвижимую собственность. Политическое влияние церкви в Мексике было огромно. В последующей истории Мексики католическая церковь всегда была надежным оплотом реакции в стране.

Подробно излагая ход войны за независимость, автор правильно отмечает социальный характер этого движения, которое было не только борьбой мексиканцев за независимость от Испании, но являлось по существу и великой войной индейского крестьянства Мексики за землю. Говоря о деятельности вождей национально-освободительной войны — Идальго и Морелоса, автор показывает, что именно социальный характер их программы, стремление вернуть крестьянам отнятые у них земли, оттолкнули от движения креольскую верхушку. Однако автор объясняет это движе-

ние со своей, буржуазной, точки зрения, утверждая, что «Идальго и Морелос потерпели неудачу потому, что поставили перед собой слишком большие задачи. Они сражались не только за изгнание гачупинов, но также за равенство рас, за отмену привилегий духовенства и офицерства и за возвращение индейцам земли. Результатом этого была разрушительная гражданская война, которая не только не принесла Мексике независимости, но, может быть, даже замедлила ее завоевание» (стр. 157). Подобное объяснение лишь свидетельствует о буржуазной ограниченности автора. Широкое революционное движение мексиканского крестьянства под руководством Идальго и Морелоса, носившее характер аграрной революции, было первым этапом войны за независимость (1810—1816 гг.). Оно носило ярко выраженный социальный характер, поскольку национально-освободительные идеи тесно переплелись в нем с борьбой крестьянства за землю. Именно социальный характер этого движения и сообщил ему ту силу, под ударами которой были значительно расшатаны устои испанского колониального господства в Мексике. Таким образом, глубочайшее революционное движение индейских крестьянских масс, которое автор называет «разрушительной гражданской войной», не «замедлило завоевание независимости Мексики, а, наоборот, создало предпосылки для этого завоевания.

Причины поражения мексиканского крестьянства в его борьбе за землю заключались в том, что оно было одиноко в этой борьбе. В начале XIX в. Мексика была отсталой колониальной страной, где не было не только пролетариата — гегемона трудящихся масс в их борьбе за свое освобождение, — но и поднимающегося революционного класса — буржуазии, способной поддержать на первых порах стремление крестьян к переделу земли. Движение Идальго и Морелоса носило все черты «стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»¹.

Война за национальную независимость не облегчила положения не только мексиканского крестьянства, но и основной массы креольства, представлявшего преимущественно средние слои населения. Земля и почти все богатства

¹ Ленин и Сталин. Сборник к изучению истории ВКП(б). Партиздат, 1936, т. III, стр. 527.

страны попрежнему оставались в руках церкви и небольшой кучки крупных помещиков. Недовольство креолов своим положением и их стремление к перераспределению богатств страны и было той базой, которая питала происходившие в Мексике в 1830—1840 гг. военные перевороты, частую смену президентов, — всю ту борьбу клик и партий внутри господствующего класса Мексики, которая известна под названием борьбы между централистами и федералистами.

Во второй половине XIX и в начале XX в. Мексика — отсталая в экономическом и политическом отношении страна, обремененная тяжким наследием феодально-крепостнических отношений, страна, где господствовали крупные помещики, реакционные генералы и высокопоставленные чиновники, — оказалась одним из объектов эксплуатации со стороны крупнейших капиталистических стран — Соединенных Штатов Америки, Англии и отчасти Франции.

Паркс показывает пагубные для народного хозяйства Мексики последствия проникновения в страну англо-саксонского капитала; но он не дает достаточно глубокого анализа результатов этого проникновения и способствовавшей ему внутренней и внешней политики президента Диаса. Паркс пытается доказать, что политика реакционного президента диктатора Мексики Порфирио Диаса (1876—1911 гг.), направленная на поощрение притока иностранного капитала и раздачу природных богатств страны иностранным компаниям, была отчасти продиктована какими-то высшими соображениями, стремлением Диаса развить экономику страны и повысить благосостояние народа. Подробно останавливаясь на истории захвата иностранными капиталистическими монополиями командных высот в важнейших отраслях народного хозяйства страны, Паркс не решился сделать вывод, что в результате политики Порфирио Диаса к концу его правления экономика Мексики оказалась закабаленной американскими и английскими капиталистами и приобрела все те уродливые формы, которые свойственны экономике зависимых стран. Паркс не показал, что Диас проводил эту политику потому, что неизмеримо больше боялся своего народа, чем капиталистов США и Англии; между тем, именно поэтому Диас привлекал иностранных дельцов в Мексику, преследуя антидемократическую политику.

тическую, антинациональную политику, отражавшую страх реакционных мексиканских помещиков и окружавшей Диаса бюрократической клики перед народной революцией, в которой крестьяне стали бы добиваться решения аграрного вопроса, а рабочие — улучшения своего материального положения и демократизации страны. Реакционная внутренняя и внешняя политика Диаса отражала интересы крупных мексиканских помещиков и иностранной буржуазии.

В начале XX в. перед крестьянством и рабочим классом Мексики встала неотложная задача разрешения аграрного вопроса и избавления от иностранного гнета — в первую очередь от гнета американских капиталистов. Не случайно наряду с борьбой крестьян в деревне первые крупные забастовки мексиканских рабочих имели место на иностранных и, в частности, американских предприятиях. В 1906 г. одна из таких забастовок вспыхнула в штате Сонора, на медных рудниках Кананеа, принадлежавших американцу Грину. В Кананеа забастовало около 10 тыс. шахтеров-мексиканцев, подвергавшихся жестокой эксплуатации и издевательствам со стороны американской администрации на шахтах. Шахтеры потребовали увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Правительство Диаса, верное тактике удушения рабочего движения, спровоцировало совместно с Грином забастовщиков на выступление. В результате забастовки была уничтожена часть зданий компании и сожжено несколько складов. С прибытием правительственных войск схватка превратилась в массовое избивание безоружных рабочих. Не довольствуясь этим, правительство США пыталось использовать забастовку в качестве предлога к новому покушению на политическую независимость соседней страны. К границе Мексики в Аризоне была подтянута одна из кавалерийских пограничных частей американской армии. А 2 июня посол США Томпсон в беседе с Диасом заявил, по поручению государственного секретаря Рута, что США готовы оказать ему любое содействие для «наведения порядка», вплоть до введения в Мексику американских войск.

Забастовка в Кананеа и связанные с ней события положили начало массовому антиамериканскому и антиимпериалистическому движению среди мексиканских трудящихся масс. Антипатии к американцам были сильны не только

на принадлежавших американцам промышленных предприятиях и мексиканских железных дорогах, но и среди широких масс мексиканского крестьянства, ибо американцы-плантаторы относились к пеонам¹ в Мексике не лучше, чем их соотечественники, плантаторы юга США — к рабам-неграм. Вот что говорит об этом один из американских писателей, побывавший в Мексике: «Американцы используют труд рабов — покупают, угнетают, запирают их на ночь, бьют, убивают их — точно так же, как это делают другие предприниматели в Мексике... В тропической части Мексики, на плантациях каучука, сахарного тростника, тропических фруктов — повсюду вы найдете американцев, покупающих рабов, заключающих их в тюрьмы и убивающих».

Ненависть к американским империалистам в Мексике росла с каждым годом и вскоре выразилась в открытых антиамериканских выступлениях мексиканского народа. Накануне буржуазной революции Мадеро 8—11 ноября 1910 г., в Техасе, Мехико и других городах страны в ответ на линчевание американцами мексиканца вспыхнули массовые антиамериканские демонстрации. В г. Мехико народ начал бить стекла в окнах американских магазинов и разгромил редакцию американской газеты «Геральд». В другом крупном городе Мексики, Гвадалахаре, события приняли еще более бурный характер и демонстрации превратились по существу в антиамериканское восстание. Мексиканцы забрасывали камнями принадлежащие американцам дома, требуя, чтобы американцы убирались из Мексики. В Мехико, Гвадалахаре и других городах страны это движение проходило под лозунгами: «Да здравствует Мадеро!» и «Смерть грингос!»². Русский посланник в Мехико писал в своем донесении в Петербург о глубокой ненависти к американцам, которая коренится в мексиканском народе, отмечая, что эта ненависть является результатом не только того, что мексиканцы не могут простить американцам 1847 года, но и того, что «живущие здесь в значительном количестве американцы своим грубым и вызывающим обращением с здешними жителями не могли завоевать их симпатии». Характерно,

¹ Пеоны — мелкие арендаторы-крестьяне, работавшие на землях плантаторов. (Прим. ред.)

² Грингос — презрительная кличка американцев в Мексике. (Прим. ред.)

что уже в то время проживающие в Мексике американцы вели себя, как настоящие колонизаторы. Посол США в Мексике Генри Уилсон хвастливо отмечал, что во время событий 8—11 ноября они «вели себя воинственно». В эти дни наемники американских империалистов несколько раз обстреливали с провокационными целями толпы безоружных мексиканцев, в результате чего в Мехико и Гвадалахаре было убито 4 мексиканца, в то время как ни один американец не пострадал.

Выступление пролетариата и усиление борьбы крестьянства за разрешение аграрного вопроса были предвестниками буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг., когда в ходе революционного движения народными массами была сброшена ненавистная диктатура Диаса и страна вступила на путь демократических преобразований. Особенностью этой народной революции в Мексике был ее ярко выраженный антиимпериалистический характер.

Размах и глубина мексиканской революции испугали даже наиболее оголтелых американских империалистов, которые вынуждены были на время спрятать свои открыто интервенционистские планы. Мексиканская политика президента США Вудро Вильсона, захватнический дух которой так старательно затушевывает Паркс, отражала одновременно страх американских империалистических кругов за свои капиталы в Мексике и их желание воспользоваться «анархией» в Мексике для осуществления своих интервенционистских целей. Паркс пытается внушить читателю, что правительство США в лице Вудро Вильсона преследовало мирные цели по отношению к Мексике, но в этом ему мешали американские капиталисты, стремившиеся к господству в этой стране.

Какой же была в действительности политика Вильсона в Мексике? В 1913 г. Вудро Вильсон, выступая против политики своего предшественника Тафта, заявил, что 85% мексиканского народа угнетаются и эксплуатируются мексиканскими помещиками и иностранными капиталистами. Это заявление было вызвано тем, что наглая интервенционистская политика предшественников Вильсона была крайне непопулярна в странах Латинской Америки, и продолжение ее могло иметь опасные последствия для США.

Основные цели политики Вильсона в Мексике

заклучались в том, чтобы, опираясь на уже завоеванные в этой стране американским капиталом экономические позиции, навязать ей свою волю, лишить ее не только экономической, но и политической независимости. Для достижения этих целей Вильсон не гнушался никакими средствами, начиная от политических интриг, шантажа, подкупа и кончая вооруженной интервенцией. Им была дважды спровоцирована интервенция в Мексику (в 1914 и в 1916 гг.). Обе интервенции позорно провалились. Вильсон и его клика недооценили антиимпериалистические настроения мексиканского народа. Сила и единодушие, с которыми мексиканцы выступили против захватчиков, оказались неожиданными как для американских империалистов, так и для их политических марионеток.

Кульминационным пунктом мексиканской революции 1910—1917 гг. было принятие в феврале 1917 г. новой буржуазно-демократической конституции. Конституция 1917 г. явилась значительным политическим завоеванием мексиканского народа. В ней был записан ряд требований, ставших программой борьбы мексиканских крестьян и рабочих в течение ближайших десятилетий. Большое значение имел тот факт, что в конституцию были включены антиимпериалистические требования мексиканского народа. Конституция 1917 г. фактически ставила вопрос о конфискации захваченных иностранцами нефтяных источников Мексики, что вызвало большую тревогу в империалистических кругах США и Англии. Антиимпериалистическая внешняя политика президента Мексики Каррансы стала возможной в это время лишь благодаря тому, что, осуществляя вначале прогрессивные мероприятия, мексиканская буржуазия опиралась на широкое массовое народное движение внутри страны, направленное своим острием против помещичьей реакции и американских империалистов. Паркс разоблачает реакционную внутреннюю политику Каррансы, но по своему обыкновению почти ничего не говорит о роли народных масс в решающих событиях этого периода, о противодействии трудящихся попыткам реакции бросить все свои силы против неугодных ей реформ.

В обстановке величайших революционных событий того времени, самым важным из которых была победа Великой Октябрьской Социалистической революции в России, мек-